

Peretti, V. N.

В. Н. Перетцъ.

ЮРУССКІЯ ВИРШИ И ПЪСНИ

ВЪ ЗАПИСЯХЪ XVI—XVIII ВѢКОВЪ.

XV—XXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1899.

25

PG3917

P4

v.2

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русск. языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. IV (1899 г.), кн. 4, стран. 1218 — 1303.

XV.

Первые памятники искусственной стихотворной поэзии, съ ясно отмѣченнымъ уже характеромъ похвальнаго посланія или оды или увѣщанія—таковы изданные выше стихотворные опыты Герасима Смотрицкаго, Андрея Рымши и другихъ—наводятъ насъ на мысль: чтò знала старая московская и кievская Русь о стихотворствѣ и какими руководствами и указаніями могли пользоваться по этой части предшественники, современники и ближайшіе потомки названныхъ стихотворцевъ?

Выше было отмѣчено, что съ первыхъ же опытовъ въ юго-западной русской литературѣ появляются два вида стиховъ: одни—неправильные, съ произвольнымъ числомъ слоговъ и отличающіеся отъ прозы только риемою; другіе—плавные, построенные по польской силлабической системѣ, съ преобладаніемъ тринадцати-, двѣнадцати- и одиннадцати-сложныхъ размѣровъ.

Но польское вліяніе сказалось не сразу: исторія его борьбы и лишь постепеннаго завоеванія своего мѣста открывается изъ обзора старинныхъ руководствъ къ стихосложенію и стоитъ въ связи съ постепеннымъ проникновеніемъ польскаго вліянія въ училища западной Руси, гдѣ первоначально преобладаютъ славяно-еллинскіе элементы, позже—берутъ перевѣсъ новыя вѣянія и школы перестраиваются по типу католическихъ, съ господ-

*) Продолженіе.—См. «Извѣстія», т. IV, кн. 3, стран. 869 слѣд.

Изъ предложенныхъ примѣровъ знавшіе греческій языкъ могли ознакомиться съ двумя родами стиховъ, но таковыхъ зна-токовъ было немного и самые стихи были переданы на славянскій языкъ прозою. Нѣсколько понятнѣе и доступнѣе для читателя были статьи того же автора объ акростихѣ, въ которой упоминается о ямбическомъ размѣрѣ и приводится примѣръ его. Это—вторая часть посланія къ нѣкому другу «въ немъ же сказаніе тріехъ нѣкихъ взысканій, нужныхъ всякому рачителю книжному».

Нѣкіе творцы каноновъ, чтобы охранить свой трудъ отъ тѣхъ, которые любятъ заимствовать и присвоивать чужіе труды, изобрѣли «акростихиду», что по-русски будетъ — «краестрочіе» или «краегранесіе»; «и ово убо сотворено есть ими жъ по алфавиту, сирѣчь по азбукѣ, ово же по строкѣ сложеніи мѣрою иамвиною, еже являетъ или силу всего канона, или хвалу содержитъ пѣваемому святому». Далѣе, какъ примѣръ акростиха Максимъ Грекъ приводитъ канонъ на Благовѣщеніе: «Ἀδέτω σοι δέσποινα»... приписываемый Теофану, расположенный по алфавиту, и другой канонъ Іосифа, поемый въ субботу пятой недѣли поста, построенный такъ, что совокупность первыхъ буквъ отдѣльныхъ стиховъ по порядку, даетъ первый стихъ канона «χαῖρας δοχεῖον, σοι πρέπει χαίρειν μόνῃ» и имя автора: «Ἰωσήφ» ¹⁾.

Греческіе примѣры едва ли могли дать поводъ къ подражанію, и можно съ увѣренностью сказать, что объясненіе Максима Грека не вызвало со стороны русскихъ опытовъ стихосложенія. Эти опыты появились позже совершенно независимо отъ изложеннаго и даже первыя печатныя грамматики XVI—XVII в. мало содѣйствовали ихъ появленію.

Въ старѣйшей изъ извѣстныхъ намъ славянскихъ грамматикъ XVI в., именно въ Ἀδελφότης²⁾ 1591 г. изданной въ Львовѣ ³⁾

1) Ягичъ, Разсужденія о ц.-сл. яз., стр. 592—3, по той же рукоп. Рум. Музея.

2) Подробно описана И. Каратаевымъ (Описаніе славяно-русскихъ книгъ, т. I. 1883, стр. 245). Объ этой грамматикѣ см. статью Кир. Студинскаго.

мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на правила сложенія стиховъ, хотя неизвѣстный авторъ на оборотѣ заглавія помѣстилъ два четверостишія на гербъ города Львова, а на оборотѣ послѣдняго листа—двустипіе, по-гречески и переводъ его двустипіемъ же по-славянски. Если же изслѣдуемъ немногія косвенныя указанія на мнѣніе составителя грамматики о способѣ сложенія стиховъ, то и здѣсь найдемъ противорѣчіе.

Подобно позднѣйшимъ грамматистамъ, авторъ различаетъ слоги долгіе и короткіе, слѣдуя своему греческому оригиналу; но дѣленіе его, конечно, совершенно условно:

«Слогъ ѣсть сложеніе малыхъ двѣхъ писменъ, потребователно же и гласныя слоги глаголются. ꙗко, α, ε.

Раздѣляетъжеся слогъ на три.

На долгій, ꙗко сосѣдъ.

На краткій, ꙗко слово.

На ѡбщій, ꙗко ѡременен'ный. (л. 7)

Согласно съ такимъ дѣленіемъ слоговъ на краткіе, долгіе и общіе — дѣленіемъ, изложеннымъ здѣсь правда слишкомъ неясно по сравненію съ позднѣйшими грамматическими руководствами — вполне понятна попытка перевести ямбическіе стихи съ греческаго на славянскій такими же ямбами, да еще и съ сохраненіемъ рѣзмы.

Такую попытку мы видимъ въ передачѣ двустипіа:

Θεοῦ δίδοντος οὐδὲν ἰσχύει φθόνος¹⁾

Καὶ μὴ δίδοντος οὐδὲν ἰσχύει χάρις—

слѣдующимъ образомъ:

Богъ дающъ зависть ничтоже возмѡже

И не дающъ грѣхъ оуспѣеть ничтоже.

1) Въ Αδαφότης'ѣ опечатка—φθόνος.

Гласныя: Ѹ, ю, ѣ, какъ долгія, могли образовать съ другими ямбическую и спондаическую стопу. Что же касается лишняго слога въ первомъ стихѣ — то возможно допустить чтеніе в'зможе, безъ о, котораго составитель могъ и не принять въ расчетъ.

Но первое стихотвореніе на гербъ гор. Львова, построено совершенно свободно какъ отъ еллино-славянскоѣ теоріи долгихъ и короткихъ слоговъ, такъ и отъ польскоѣ, силлабическоѣ, которую выше мы встрѣтили въ стихахъ А. Рымши. Вотъ оно:

ЛЕОПОЛІС

Зна́меніе тезоименитаго кнѣ́за лѣ́ва гра́ сѣй маѣ.

Его́же и́ма по всѣ́й е́вропѣ́и ро́ссійскій ро́ зна́еть.

В ми́тропóлѣи киевога́лицко́й сла́вно пребыва́еть.

Его́же всѣ́ о́крестна́а страна́ о́богаша́еть.

Гербъ.

Лѣ́въ царствѣ́тъ безсло́весны́ свѣ́ремъ в нача́ло.

Сло́весны́ жѣ о́бразъ, х́во ца́рство на́ са показа́ло.

Мѹ́жайса́ многопле́менны́й ро́скій наро́де,

Да хри́сто́съ нача́ло крѣ́пости въ тебѣ́ бѹ́де.

Здѣсь мы имѣемъ весьма значительную разницу между числомъ словъ въ отдѣльныхъ стихахъ: 18, 17, 17, 15, 18, 17, 13, 13. Повидимому здѣсь мы имѣемъ такую же риемованную прозу, какъ и въ «Ляментѣ княжатъ Острожскихъ», «Перлѣ» К. Транквилліона и др. (см. гл. II). Такимъ образомъ авторъ не справился съ мудреной задачей написать строки по правилу заимствованному изъ греческой грамматики; но трудно рѣшить, почему онъ не воспользовался тѣмъ силлабическимъ размѣромъ, который употребилъ А. Рымша впервые въ 1581 г., а въ 1591 г., въ эпиграммѣ Теодору Скумину — очень удачно и гладко,

хотя оба, и Рымша и составитель стиховъ *Αδελφότης*’а, были, вѣроятно же всего, питомцами одной школы.

Слѣдя далѣе за появленіемъ свѣдѣній о стихосложеніи, мы еще остановимся на двухъ грамматикахъ, изъ коихъ вторая, принадлежащая Мелетію Смотрицкому, болѣе ста лѣтъ служила школьнымъ руководствомъ.

Обѣ онѣ заключаютъ въ себѣ теорію стихосложенія близкую къ той, которая была впервые печатно предложена въ *Αδελφότης*’ѣ, т. е. слѣное подражаніе позднѣйшей греческой, основанной на условномъ значеніи гласныхъ буквъ.

Старшее изъ этихъ руководствъ — «Грамматіка словенска.. новшъ състѣлена Л. Z.» т. е. Лаврентіемъ Зизаніемъ, выпущенная изъ братской виленской типографіи въ 1696 году 12 февраля¹⁾ начинается прямо стихами.

На оборотѣ заглавнаго листа, надъ изображеніемъ челоуѣка, стоящаго въ позѣ, выражающей недоумѣніе, держа въ лѣвой рукѣ ключъ — напечатано пояснительное двустистише:

Прѣжнѣ ты са кѣшишь писмѣ оумѣти,
котѣрій нехѣтъ менѣ разумѣти.

А за симъ слѣдуетъ на второмъ листкѣ такая «Епіграмма»:

На Грамматикѣ.
Грамматика писмѣ всѣ наѣчае,
чтырѣма частми лѣве ѣразѣлае.
Орфографіею и просѣдію.
сѣнтазисѣ и етѣмологію.
А прѣреченѣное еи ѡпѣтво,
подаеъ пеѣное ѣскѣство.
Котѣрій прагнѣ быти дѣконаѣли,
в ѣймѣ и в ѣсловаѣ абы непаѣтали.

1) Описана подробно у И. Каратаева, тамъ-же.

Але извѣстнѡ все понавѣли,
и чоґоса оучаѣ абы добре знали.
Ключеѣ бо єсть ѡтворѣючи всѣѡ оумъ,
к познѣнію въ преправѣ разѣ.
По которѡ власне ѣкъ по вѣсходѣ поѣдетъ,
каѣдѣи єсли хочеѣ всѣѣ набѣ доѣеѣ.

Въ «Послѣніи спѣдеши» объясняется польза грамматики и мѣсто ея относительно другихъ наукъ — риторики, словесности, философіи и богословія: «она єсть ключеѣ вырозѣмѣнію. ѡворѣючи, и ѡкаѣѣючи всакии вѣтѣпливости, а приѡдоблѣючи и свѣѣлый чиначи роѣѣ чѣчѣи». (л. 3).

Приводя стихи сразу вслѣдъ за заглавіемъ, Л. Зизаній счелъ нужнымъ тутъ же дать указаніе, какъ сложены эти вирши и какъ слѣдуетъ складывать ихъ вообще.

Въ заключеніе же грамматики — онъ опять повторилъ правила о стихосложеніи, но уже въ нѣсколько иномъ болѣе подробномъ разсужденіи. Приведемъ сначала первое и слѣдующіе за нимъ стихи, а за тѣмъ, указавъ на принципы построенія стиха по долготѣ и какія гласныя Л. Зизаній считалъ гласными краткими и какія долгими — приведемъ и второе его разсужденіе.

Ѡ метрѣ, и ѡ риемѣ.

Пересторѡга хотѣчи вѣршѣ складати.

Въ метрѣ подобаеѣ зрѣти качество и количество. слѡгѡ и реченій, сирѣчь аще изрѣное реченіе єсть, аще слѡгъ долѣгѣи, или краѣкѣи єсть.

Въ риемѣ же, нѣсть такѡ качество зрѣти, ѣкоже множае количество.

Такимъ образомъ, подобно, Αδελφότης у Грамматика Зизанія принимаетъ на греческій ладъ за основаніе стихосложенія долготу и краткость слоговъ, отводя риемѣ, т. е. тому, что называется по-славянски краеграниемъ — мѣсто второстепенное.

Нѣсколько ниже на л. 3 грамматики излагается гораздо подробнѣе мнѣніе о долготѣ и краткости гласныхъ: къ долгимъ здѣсь причисляются — и, ѣ, ѡ, а; къ краткимъ — е, о, у; къ двоювременнымъ — а, і, ж, ѡ; и это дѣленіе имѣеть ту причину, «понеже въ Творчѣки стѣсѣ ѡ си пѣмѣнь съставивѣса слогъ, слогъ долгій бываеть. Кракаа же такоде нарицаюса понеже краткій слогъ бывае». Двоювременнаа же нарицаюса, поне нѣсѣтъ единого времени, сирѣчь нѣсѣтъ постоанна. Ѧвогда бѣ бывають краткаа, Ѧвогда паки догаа проиволѣнѣ Творца».

Теперь обратимся къ самому концу грамматики, и здѣсь, на л. л. 89—90 найдемъ статью о метрѣ, гдѣ уже рѣчи нѣтъ о долготѣ и краткости: это подразумѣвается, очевидно, извѣстнымъ. Эта статья не имѣеть также связи и съ предыдущей. Здѣсь рѣчь идетъ объ ироическомъ, елегическомъ и ямбическомъ метрѣ. Приводимъ эти три статейки полностью.

Ѧ ироическомъ Мѣтрѣ.

Ироическое мѣтро ѣсть шестомѣритѣное, ѥ шесточислитѣное. Ёже приѣле въ перѡѣ, ѥ вторѡѣ, ѥ третѣмъ, ѥ четверѡѣ, ѥ пѣтомъ, предѣлѣ, ѥли дѣтѣла. ѥли спѡдѣа. Въ шѣсто же, ѥли спонѣдѣа, ѥли трохѣа. ѥакъ:

вѣждѣ нѣмѡщѣ ѣстѣства нѣшѣго вѣщѣдрѡтахъ мнѡгѣи.

Дѣктѣлъ — — —, Дѡнѣдѣжѣ.

Спѡдѣй — — —, бѣдѣ.

Трохѣй — — —, бѣдѣтъ.

Если хочешъ Вѣршѣ Складѣти, Вѣдле ты Мѣтрѣ Склада Грецкіѣ Поѣтѡ послѣдѣючи.

Ѧ елегическо Мѣтрѣ.

Елегическое мѣтро ѣсть шестомѣритѣное, ѥ приѣмлетъ въ перѡѣ ѥли дѣктила, ѥли спѡдѣа, въ вторѡѣ же дактѣла, въ третѣ же

и четверто́ дѣтѹла, въ пѣтомъ же предѣлѣ спондеа, иже раздѣ-
лѣется на двое. и оубо по егò бываетъ междѹ вторы́ и трети́
предѣло́, дрѹго́е же по по четверто́.

Ω 'Іа́вическо́ Мѣтрѣ.

Что́ есть 'Іа́вическое мѣтро:

Іа́вическое мѣро́ есть шестомѣритѣное или́ шесточислитѣльное,
и прие́млетъ пѣрво́, и трети́, и пѣты́, предѣлѣ, или́ ногѣ. или́
спѣдеа, или́ іа́ва. вторы́ же и четверты́ едина́го іа́ва. шестаа́же
ногѣ прие́млетъ или́ іа́ва, или́ пѣри́ха, ꙗ́ко,

призри́ на насъ грѣшны́хъ мно́гѹ щедры́и бѣжѣ.

Спо́де —, бѣди́.

Іамѣвъ ~, несѣ́.

Пѣри́хъ ~, сло́во.

Какъ видно изъ приведенныхъ Л. Зизаніемъ двухъ стиховъ,
ирическаго и ямбическаго — сложеніе ихъ было дѣломъ не
легкимъ: самому составителю при изобрѣтеніи примѣровъ при-
шлось въ единственномъ ямбическомъ стихѣ воспользоваться
всеми льготами и пѣтическими вольностями, употребивъ и спон-
дей и пѣрихій, и гексаметръ вышелъ у него спондеическій,
признаваемый и греками за неудачный. Образца же элегическаго
пентаметра Зизаній совсѣмъ не приводитъ, оставляя учениковъ
безъ нагляднаго примѣра.

Для сужденія объ его искусствѣ слагать стихи приводимъ его
«стихи къ младенцемъ, вводящіе ихъ въ ученіе», а также обра-
щеніе къ нимъ же типографа.

Первые читаются на л. 4 предисловія, послѣ замѣчаній о
метрѣ и римѣ:

Стихи.

Къ младѣцемъ въвѣда́щій и́ на дѣло.

Ѣже всѣ́къ тѣ́атиса въ грамѣ́тцѣ́ дѣ́ начина́еть,

бѣстваже дрѣнаго дѣбелости же да забывають.
Ибо готово хѣдожесто ѿ сѣмѣи пе'рвѣшее
бѣди же тѣпаніе ва'ше пе'рвого оу'серднѣ'шее

На оборотѣ же этого листка—привѣтствіе отъ типографа:

Тѣпографъ младѣ'цемъ.

Не прѣстѣи кнѣжѣ называють тоую гра'матѣкѣ,
а'ле наста'нищѣ добрѣ словѣ'скомѣ ѣзыкѣ.
На'чаетъ дѣбре писати ѣ дѣбре чита'ти,
доскона'лыѣ ѣ пѣныѣ быти а' нѣ в' чоѣ не па'тати.
Тѣю вы ѿ спѣдѣи малѣмѣ ко'ш'тоѣ собѣ набывають,
а' великогоса ро'зумѣ ѣ росто'рѣности з' неѣ на'ча'те.

Это послѣднее стихотвореніе не что иное, какъ перефразировка прозаическаго предисловія составителя грамматики. Построеніе четырехъ стихотвореній, находящихся въ этой грамматикѣ—только отчасти приближается къ лучшимъ образцамъ версификаціи XVI вѣка. Въ первомъ—два правильныхъ одинадцатисложныхъ стиха; во второмъ первые два стиха—по 11 сл., вторая пара—по 12; далѣе же слѣдуютъ стихи 10, 9, 12, 11-сложные безъ намека на систему. Третье стихотвореніе имѣетъ кромѣ перваго 15-сложнаго стиха—три остальные по 16 слоговъ; въ четвертомъ сначала преобладаютъ стихи 15-сложные, а затѣмъ 16, 17 и даже 20-сложные.

Этотъ расчетъ, можетъ быть, показываетъ, что чувство мѣры сознавалось авторомъ, но выдержать взятый размѣръ было трудно. Что до отношенія этихъ образцовъ къ теоріи, то они стоятъ совершенно отъ нея въ сторонѣ и никакъ не укладываются ни въ мѣрку стиха ирѣискаго, ни элегическаго, ни ямбическаго.

Какъ показано было ранѣе (гл. II), въ началѣ XVII в., къ двадцатымъ годамъ его, большинство малорусскихъ стихотворцевъ пишутъ уже правильныя силлабическія вирши, за исклю-

ченієм немногихъ, предпочитающихъ рифмованную прозу, или не умѣющихъ уложить рѣчь въ рамки 11- или 13-сложнаго стиха.

Однако, несмотря на такое явное преобладаніе силлабической системы, Мелетій Смотрицкій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, отлично знавшій какъ славянскій, такъ и польскій языкъ,—въ своей грамматикѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1619 году, держится той же системы, что и Л. Зизаній, только разрабатываетъ её детальнѣе.

Уже въ началѣ грамматики, въ главѣ объ орфографіи Смотрицкій устанавливаетъ три разряда гласныхъ и двоегласныхъ, согласно ученію о семъ грековъ: «по грекъѣвъ мѣрѣтѣнагоу в' слога количества радѣленію стѣхотворнаго» (л. 2 об.—3 об.). Онъ раздѣляетъ гласныя на трое: «дѣлгаа сѣтъ: и, ѣ, ѡ. Краткаа: е, о. Двовременнаа: а, і, у. Двоегласныя также дѣлятся на три разряда «по мѣрѣ стѣхотворнагоу количества»: долгія—ау, еу, иа, аа, кк, ий, їй, ы, ѡй, ѣ, оу; краткія—ей, ой: общія—ю, у, безъ о: ай, еу, їй, ѡй. Всѣ же троегласныя и четырегласныя—долги: оуй, ый, ай, юй, ж и жй.

Въ статьѣ о «просодіи стѣхотворной» Смотрицкій еще разъ возвращается къ этому дѣленію гласныхъ. Такимъ образомъ, согласно болѣе сложному дѣленію, естественно ожидать и болѣе запутанной и искусственной системы. И дѣйствительно: Смотрицкій, кажется доходитъ до крайняго предѣла искусственной группировки долгихъ и краткихъ слоговъ, хотя примѣры, приводимые имъ, могутъ быть прочтены довольно гладко. Но о причинѣ этого—ниже, а теперь обратимся къ заключительной части его грамматики, предлагающей систему стихосложенія.

Эта статья, озаглавленная: «О просодіи стѣхотворной» — послѣ краткаго вступленія заключаетъ въ себѣ ученіе о долготѣ и краткости слоговъ, «о степеняхъ (видахъ) стѣхотворныхъ мѣръ» и «о страстехъ реченій».

Во вступленіи М. Смотрицкій приводитъ въ такихъ словахъ

причины, побудившія его заняться составленіемъ правилъ для сложенія стиховъ ¹⁾).

«Матѣй Стрійковскій, каноникъ самоитскій, дѣй славянскихъ хронографъ достовѣрный, въ четвертой своей хронологіи книзѣ пишетъ, Овідіа Славнаго Онаго Латінскаго Поетѣ в Сарматскихъ народѣ заточеніи бывша и языку ихъ совершеннѣ навывша. славянскимъ діалектомъ за чистое его красное и любопріемное стіхи или вѣрши писавша».

«Заеже возможну стіхотворну художеству в словенскомъ языкѣ и азъ быти судивъ, по силѣ вкратцѣ правила его по мѣѣ тожде искуснѣ творити хотящимъ, божією помощію, предлагаю».

Въ основаніи стихосложенія лежитъ знаніе просодіи: эта послѣдняя дѣлится на просодію ореографическую, имѣющую цѣлью обозначить особенности произношенія (припѣтіе) и просодію, «юже художество стіхотворное под метромъ или мѣрою слоговъ количества, быти глаголемъ».

Стихи, изъ которыхъ слагаются вирши, имѣютъ слѣдующее построеніе: «стіхъ состоитъ ногами (т. е. стопами): нога слогами, слоги стіхіями или писменъ» — здѣсь М. Смотрицкій не различаетъ звуковъ и буквъ; такимъ образомъ въ «познаніе стіхотворенія» мы приходимъ чрезъ познаніе «писменъ, слоговъ и ногъ».

Напомнивъ вкратцѣ данное выше дѣленіе писменъ Смотрицкій переходитъ къ слогамъ и ихъ количеству. «Количество есть слога мѣра краткая, или долгая по времени»... «Краткая мѣра есть, яже единѣмъ временемъ состоитъ», долгая — «яже двома временама краткими состоящая»; онѣ обозначаются знаками: $\cup$ и $-$.

Согласно приведенному выше дѣленію гласныхъ буквъ и двогласныхъ и слоги дѣлятся на три разряда; кромѣ того они

1) Здѣсь и ниже правописаніе старопечатнаго текста не сохраняемъ; раскрываемъ титла и опускаемъ надстроичные знаки.

различаются и по положенію и дѣлятся на первые, послѣдніе и средніе.

Но кромѣ этого основного правила, Смотрицкій заимствовалъ еще изъ греческой и латинской просодіи ученіе о количествѣ образуемомъ чрезъ положеніе слога (*positio*): «положеніемъ слогъ естествомъ (по природѣ — *natura*) краткій одоужается, есть же положеніе двою согласну, или многшихъ, либо сугубаго, или сугубствующаго единому естествомъ краткому, или общему гласному *притраженіе* (т. е. удлинненіе): бываетъ же или въ единомъ и томъ же реченіи, яко: скѣрбь, твѣрдь, чѣсть... и т. д. или въ различныхъ, сирѣчь егда первое реченіе кончится на едино согласное, от согласнаго же и послѣдующее начинается, яко: Бѣгъ мой, Спаситель мой, Пшѣтъ Петръ и прочая».

Исключенія изъ этого правила возможны въ четырехъ случаяхъ: 1) если «сугубое или сугубствующее» писмя принадлежатъ послѣдующему слову, напр.: Бѣжѣ *всесилне*; 2) послѣдующія за гласнымъ «обоящающее съ таемымъ» (т. е. нѣмая съ плавной) дѣлаютъ слогъ обоюднымъ, напр.: смѣтрѣнїе, стѣблїе и др. 3) Союзъ *же* дѣлаетъ долгимъ конечную краткую гласную того слова, къ которому присоединяется, напр.: никтоже, менѣ же. 4) Предлоги употребленные, въ сочиненіи, сохраняютъ свою краткость или двовременность: нѣ зѣмлю, къ смерти, но употребленные въ качествѣ приставокъ — слѣдуютъ правилу и удлинняются: прѣтворенїе, зѣступница и др.

Послѣ этихъ главныхъ и общихъ правилъ слѣдуютъ болѣе частныя: — о долготѣ и краткости возвращенія или наращенія (приставки) и приращенія (наставки) (такъ *а* въ приращеніи за двумя исключеніями — долго, и въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ), о не употребленіи *у* въ началѣ стихотворенія, о долготѣ *е*, замѣнившаго древнее *ѣ*; о долготѣ, сообщаемой конечнымъ *з* и краткости — *ь* въ томъ же положеніи. Этими мелкими замѣчаніями заканчивается первая часть.

Вторая часть трактуетъ «о степенехъ стихотворныхъ мѣръ». «Степень есть мѣра извѣстная, въ количествѣ слоговъ блюдомая», или — «степень есть мѣрителное слоговъ состояніе». М. Смотрицкій указываетъ, что существуетъ 124 различныхъ родовъ стиховъ, изъ которыхъ наиболѣе употребительныхъ 28: четыре двосложныхъ, восемь тресложныхъ, шестнадцать четырехсложныхъ, но этихъ послѣднихъ въ своемъ разсужденіи Смотрицкій не касается: «...оставляемъ, яко мнѣ славянъ употребленію служащия».

Слѣдуетъ перечисленіе стопъ, возможныхъ на славянскомъ языкѣ:

«Двосложніи: Спондѣй, — — яко: чистый, любѣ,
Пѣррѣхій, ∪ ∪ яко: небо, море.
Трохѣй, — ∪ яко: сердце, тѣло.
Іамвъ, ∪ — яко: корысть, время.

«Тресложніи: Дактѣль, — ∪ ∪, яко: быліе, черпало
Анапестъ, ∪ ∪ —, яко: плоды, ходѣтай.
Амфѣврахѣй, ∪ — ∪, яко: точно, вѣтище.
Амфѣмакръ, — ∪ —, яко: рѣкоать, любодѣй.
Вакхій, ∪ — —, яко: великій, клеветникъ.
Палимвакхій, — — ∪, яко: пиршество, нѣрище.
Трѣврахѣй, — ∪ ∪, яко: бденіе, сѣліе.
Трѣмакръ, — — —, яко: истинный, различный.

Указавъ отдѣльные элементы стиха, Смотрицкій обращается уже собственно къ стиху или вѣршу, который и опредѣляется имъ, какъ «правильное степеней во извѣстномъ родѣ сочиненіе». Всего онъ знаетъ 11 родовъ стиха, но ниже ведетъ рѣчь только о «седми изряднѣйшихъ».

Опредѣленіе состава и сложенія каждого рода стиховъ и примѣры, сочиненные Смотрицкимъ, приводимъ полностью.